

Белозёрова М. В. К проблеме национального самоопределения автохтонных народов на примере регионов юга России (конец 1980-х — начало 1990-х годов) / М. В. Белозёрова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 301—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319.

Belozerova, M. V. (2020). On Problem of National Self-Determination of Autochthonous Peoples by Example of Southern Russia Regions (Late 1980s — Early 1990s). *Nauchnyi dialog*, 8: 301-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319. (In Russ.).

УДК 94(470.6):323.17“1980/199”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-301-319

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ (КОНЕЦ 1980-Х — НАЧАЛО 1990-Х ГОДОВ)

© **Белозёрова Марина Витальевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3156-2458, доктор исторических наук, доцент по специальности «Отечественная история», главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (Сочи, Россия), mbelozerowa@mail.ru.

Рассматривается проблема национального самоопределения в среде автохтонных народов России как составляющая этнополитических процессов конца 1980-х — начала 1990-х годов. Актуальность определяется необходимостью изучения проявившихся этнических интересов, межэтнической напряженности и сепаратистских тенденций, перешедших у ряда автохтонных народов из латентного состояния в открытую форму. На основе компаративного анализа, исследования архивных документов государственных, ведомственных, личных архивов, историографических данных выявлены общие тенденции и региональная специфика у хакасов, адыгов, шапсугов, шорцев и телеутов. К этнополитическим процессам, на которых базировались идеи национального самоопределения, отнесены рост этнического самосознания, «политизация» этничности, смена идеологических парадигм, институциональная деятельность национальных элит, формирование программ национального возрождения, мифотворчество. Выявлены содержательная общность мифов («поиск врага», «утрата» национальной культуры и других тезисов) и отличия, основанные на исторической и этнической памяти каждого народа. Особое внимание уделено проблеме автономизации. Она рассматривалась в качестве проявившегося компонента в попытках реализации идеи национального самоопределения. Опыт нормализации социальных отношений рассматривался при анализе тактики, применяемой национальными элитами в достижении поставленных политических задач, решений, принимаемых органами региональной власти, и реакции различных слоев общества.

Ключевые слова: национальное самоопределение; этнополитические процессы; автономизация; автохтонные народы; мифотворчество.

1. Введение

Интерес исследователей к изучению этнополитических процессов на региональном уровне конца 1980-х — начала 1990-х годов в России, как следствия перехода от реалий СССР к либерально-демократической форме государственности, не ослабевает вплоть до настоящего времени. Данный период характеризовался устремлением национальных элит из среды автохтонных народов к этнической самоидентификации и регионализму, вплоть до проявления сепаратистских тенденций и возникновения межэтнической напряженности. Актуализирует проблему то, что состоянию межэтнической напряженности на местах свойственна тенденция перехода от открытой формы ее проявления к латентному состоянию, тем более в условиях, когда право называть себя коренными имеют не только малые, но и другие народы и этносы, проживающие на данной территории не одно столетие, но не отнесенные к категории с особым статусом («коренные малочисленные народы», «народы Севера»). Отметим, что особый статус предполагает на определенных этапах исторического развития законодательное оформление преференций (например, льгот по налогообложению, получению высшего образования и др.).

Актуальность и новизну поднимаемой проблематики определяет и то, что данная тематика не в полной мере освещена в научной литературе. Достаточное внимание было уделено этнополитическим вопросам в целом: генезису межэтнической напряженности [Михайлов, 1995; Здравомыслов, 1997; Авксентьев, 1998, с. 33; Феномен идентичности ..., 2011], проявлениям этнической солидарности и ее использованию для достижения социальных и политических преимуществ [Тишков, 1993б; Грошева, 2007]. Частично затрагивались аспекты взаимодействия этнических элит с региональными органами власти и русскоязычным населением регионов [Шорова, 2010, с. 3—4]. Освещались различные подходы к проблеме этнической идентичности, факторы этнической мобилизации в общественно-политических процессах в центре и отдельных регионах [Тишков, 1993а, с. 6; Губогло, 2000; Борина, 2003; Логачева, 2006]. Ряд работ посвящен теоретическим проблемам национального самоопределения в контексте политических интересов [Новожилов, 2019] и с точки зрения международного права [Дзидзоев, 2019].

Проблемы формирования идеи национального самоопределения у автохтонных народов отражены в ряде монографических и диссертационных исследований, в отдельных статьях в соответствии с поставленными авторами задачами. Такие работы, как правило, охватывали весь комплекс региональных социально-экономических проблем (например, [Сивер, 2002;

Белозёрова, 2008б]) или отдельные вопросы межэтнических отношений (например, [Батьянова, 1993; Тугужекова и др., 2005; Карачакова, 2005; Грошева, 2007; Сивер, 2013]). В то же время данная проблематика зачастую остается вне внимания на уровне региональных исследований.

Недостаточная изученность тематики во многом обусловливается тем, что исследования введены в область политологии и социологии. В политологии основное внимание уделяется обобщающим проблемам: генезису политического плюрализма, включая этнические проблемы, и федеративных отношений, специфике развертывания политической оппозиции и т. п., например: [Козодой, 2001, с. 4; Беленко, 2006, с. 13; Литвинова, 2016 и др.]. В социологических исследованиях охватывается широкий спектр вопросов, связанных в целом с этнополитическими процессами в регионе или населенном пункте. На региональном уровне можно отметить публикацию результатов социологических исследований по некоторым этническим группам Южной Сибири [Постсоветская Хакасия ..., 2005; Этнологическая экспертиза ..., 2008; Нечипоренко и др., 2001; Костюк и др., 2001], в отличие от Западного Кавказа, где социологические обследования по широкому кругу вопросов не проводились. Не отрицая значимости разработок в данных областях науки, отметим, что поднимаемая тема является предметом также исторического исследования и этнологического регионоведения. В данном контексте акцентируем внимание на целях и методологических подходах в различных сферах исследований. Как правило, социологическое исследование отражает современную ситуацию, а не процесс. Поэтому методика его проведения предусматривает массовый опрос населения, зачастую без выделения этнической составляющей региона. Другой особенностью является то, что значительная доля в социологических анкетах отводится вопросам, относящимся к сфере личной и семейной жизни, отношений в быту, с соседями, на работе и т. п., представляющих важные каждому человеку [Нечипоренко и др., 2001; Этнологическая экспертиза ..., 2008, с. 226]. Перед историками и антропологами, как правило, стоят иные цели и задачи: выявление и отражение динамики процессов. С этой целью используются и другие методологические подходы: проведение компаративного, типологического анализа процессов на основе привлечения данных о более ранних хронологических срезах или о различных этносах в разных регионах в один временной промежуток.

С учетом результата анализа историографических и источниковых данных в предлагаемой статье поставлена цель — выявление тенденций национального самоопределения у автохтонных народов (в отдельных регионах РФ: в Южной Сибири — хакасов, шорцев, телеутов, на Западном Кавказе —

адыгов, шапсугов) как составляющей этнополитических процессов и эффективности взаимодействия региональных органов власти и различных слоев общества с национальными общественными объединениями.

Методологической основой работы стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому срезу (конец 1980-х — начало 1990-х годов) и по ряду субъектов РФ (Республики Адыгея и Хакасия, Кемеровская область, Причерноморье). Сравнительно-типологический метод и компаративный анализ позволили проследить общие тенденции и специфику этнополитических процессов и принимаемых управленческих решений в субъектах РФ.

Основными источниками послужили неопубликованные документы, отложившиеся в государственных, ведомственных и личных архивах, нормативно-правовая документация регионального уровня, материалы научно-исследовательских отчетов, опубликованные документы национальных общественных организаций. Ряд архивных документов впервые вводится в научный оборот.

2. Региональные аспекты этнополитических процессов в конце 1980-х — начале 1990-х годов

Формирование идеи национального самоопределения у автохтонных народов Южной Сибири и Западного Кавказа. Основной тенденцией, которая характеризовала этнополитическую ситуацию в этот период, стал рост этнического самосознания в среде автохтонных народов. На этой основе шло формирование идеи национального самоопределения. В конце 1980-х — начале 1990-х годов общественную поддержку получили положения о праве народов решать самим свою судьбу, создавать государственность, определять меру своей независимости, что соответствовало ленинским трактовкам национальной политики, было декларировано в Конституции СССР и в программных документах КПСС, хотя механизмов реализации данного права государством предложено не было. Первоначально идеи самоопределения стали формироваться у представителей национальной интеллигенции, работников партийных и комсомольских органов [Батянова, 1993, с. 9—14; Белозёрова, 2008а, с. 71]. Постепенно в этот процесс вовлекались другие слои населения — городские и сельские жители различных профессий и специальностей. В ходе нашего исследования были определены сферы их деятельности, в рамках которой формировалась идея национального самоопределения.

Институциональная деятельность хакасов, шорцев, телеутов, адыгов, шапсугов. Начиная со второй половины 1980-

х годов представители автохтонных народов получили возможность проявить себя в принципиально иной общественной, институциональной деятельности. Это выразилось в формировании многочисленных национально-культурных центров и национально-общественных ассоциаций, которые со всей очевидностью можно отнести к институтам гражданского общества как сегменту в общественно-политических процессах этого периода. При этом следует отметить попытки через созданные общественные объединения оказать влияние на принятие решений органами региональной власти по всем вопросам жизнедеятельности автохтонных народов [Сивер, 2002; Карачакова, 2005; Белозёрова, 2008б, с. 35, 37]. В качестве примера можно привести ввод российских военных в Чечню в середине декабря 1994 года и начало вооруженного конфликта. Ситуация не только была фактором этнической консолидации адыгов, но и могла стать поводом для формирования сепаратистских тенденций в будущем. О резком неприятии в адыгском обществе свидетельствовали решения и заявления, принятые на Внеочередном съезде адыгского народа (11.12.1994 года), о прямой поддержке сепаратизма в северо-кавказском регионе, несогласии с вводом войск в Чечню, осуждении этого акта, требовании только политических решений, призыве к Президенту РА, Законодательному собранию — Хасэ и Парламенту РА о возвращении всех военнослужащих Майкопского гарнизона в место постоянной дислокации, объявлении о созыве бессрочного ежедневного митинга до удовлетворения выдвинутых требований [ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 142, л. 11, 12, 13]. В регулировании ситуации по этой проблеме имели место взвешенные решения органов региональной власти, поддержанные населением и общественным объединением славян Адыгеи [там же]. В дальнейшем, вплоть до 2010-х годов институциональные формы деятельности стали для национальных меньшинств средоточием общественной и политической деятельности, активного участия в культурном и национальном возрождении своих народов [Белозёрова, 2011].

Тогда же закладывались основы политических программ, рождались суждения о советском периоде истории, ставшие основой мифотворчества. Анализ значительного числа архивных документов, публицистики, материалов СМИ, научных работ показал, что в основу мифотворчества было положено, по крайней мере, два блока проблем. К одному относились проблемы, связанные с неудовлетворенностью автохтонных народов своим социально-экономическим положением, нерешенностью социальных проблем в советское время, которые проявились к концу 1980-х — началу 1990-х годов. К таким относились депопуляционные процессы, ассимиляция и деградация в среде автохтонных народов (например, в регионах

Южной Сибири), осознание экологического «ущерба» их «этнической территории», который «нанесло государство» в ходе эксплуатации природных ресурсов [ГКУ НАРА, д. 142, л. 10—11; ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 29; Аборигены Кузбасса ..., 1997, с. 49—50; Белозёрова, 2008б, с. 37; Сивер, 2002; Тугужекова и др., 2005].

Историческое мифотворчество и вопросы «политизации» этничности у хакасов, шорцев, телеутов, адыгов и шапсугов. Второй круг сюжетов был связан с процессом «политизации» этничности, использованием этнических ценностей, исторических сюжетов и исторической памяти этносов при формировании новых идеологических и мировоззренческих конструктов. В этом смысле этническая идентичность использовалась определенными социальными группами (политиками, представителями национальной элиты, определенными общественными группами) в качестве инструмента социальной инженерии [Воеводина, 2002; Белозёрова, 2008а, с. 71; Исследования социальных ..., 2018]. При содержательной общности («поиск врага», «утрата» национальной культуры и других подобных тезисов), мифы основывались на исторической памяти каждого этноса, включавшие конкретные исторические факты и суждения. В этом прослеживается определенная региональная специфика. Так, у ряда автохтонных народов Южной Сибири основным стал деструктивный, по своей сути, мотив «поиска врага». Например, хакасские лидеры использовали в дискурсе тезисы об «искусственной русификации», «русской оккупации», ее последствиях — сокращении представителей этнических групп в руководящем составе автономии, «утрате» национальной культуры, традиций, родного языка [ЦГАРХ, д. 96, л. 3]. Для автохтонных народов Адыгеи (адыги) и Причерноморья (шапсуги, субэтнос адыгов) мифотворчество основывалось на попытках возложить вину за начало Кавказской войны XIX века полностью на российское правительство, в продвижении в региональной историографии тезисов о «завоевании» и «колонизации» Россией кавказских горцев [Кудаева, 2006, с. 44; Белозёрова, 2018], на мифах о «золотом веке», «упадке» и «возрождении» адыгов и шапсугов [Сивер, 2002; Сивер, 2013]. В основе мифотворчества у телеутов и шорцев (компактно проживают в Кемеровской области) не прослеживалось деструктивных элементов. Мифология у телеутов строилась на тезисе о необходимости восстановления «этнической справедливости» с лейтмотивом сохранения самоназвания этноса. По оценкам ряда исследователей, они представляли собой лишь территориально разобщенную часть алтайского народа, не имевшую существенных этнических различий [Архив ЛЭЭГ КемГУ]. На практическом уровне восстановление

«этнической справедливости» заключалось в признании на официальном (региональном и федеральном) уровне этноса с самоназванием «телеуты», в его записи в графе «национальность» в паспортах и в учете их в материалах переписей населения. Для шорцев мифотворчество строилось на мысли о необходимости сохранения «уникальной традиционной культуры» [ГАКО, оп. 63, д. 114, л. 16; ЦГАРХ, д. 75, л. 91—95; Потапов, 1994]. Ввиду этого нелишне отметить, что до революции 1917 года шорцы были бродячими охотниками, дисперсно проживавшими в небольших аилах (2—5 семей). Возможность развивать свою культуру, синтезируя тюркские и русские традиции, они получили только с проникновением в Горную Шорию русских. Безусловно, импульс для формирования национальной интеллигенции и культуры, их развития был дан в советское время при создании всеобщей системы школьного и дополнительного образования, на основе которой шорцы, как и другие народы в СССР, получили возможность развивать свой образовательный, научный и творческий потенциал.

Мифотворчество и построение идеологических конструктов, основанных на мифах, стало одной из составляющих этнической самоидентификации и консолидации, одной из основ идеи национального самоопределения. Они легли в основу при выработке национально-общественными ассоциациями программ «национального возрождения», в которых определялись права на самоопределение, национально-территориальную автономию как гарант прав по отношению к национальным меньшинствам, обозначалась необходимость местного национального самоуправления, налоговых льгот, доли участия в освоении природных богатств, сохранения и развития традиционной культуры и языка и т. д. [ГАКО, оп. 63, д. 58, л. 92—93; Аборигены Кузбасса ..., О восстановлении ..., 1992, с. 153; Архив ЛЭЭГ КемГУ, Проект Устава ...; Постсоветская Хакасия ..., 2005, с. 182; Белозёрова, 2008а, с. 72; Сивер, 2002, с. 135—136, 145—147]. Выдвигаемые требования поддерживались представителями автохтонных народов на митингах, демонстрациях, в материалах СМИ.

Проблемы национального самоопределения и автономизации этносов на региональном уровне. Одним из самых обсуждаемых в общественном дискурсе у всех рассматриваемых этносов был вопрос об автономизации как часть проблемы самоопределения. В обсуждении участвовали национальные ассоциации, представители региональных органов власти, научного сообщества и различных слоев общества. При рассмотрении этого вопроса отметим ряд аспектов, раскрывающих как общие тенденции, так и региональную специфику. Прежде всего коснемся вопроса наличия исторического опыта автономизации, который

был различен. Так, хакасы и адыги имели свои национально-территориальные автономии в советское время — это, соответственно, Хакасская АССР и Адыгейская АО. Два народа имели исторический опыт автономизации в середине 1920-х — конце 1930-х годов — шорцы (Шорский национальный район) и шапсуги (Шапсугский национальный район). Телеуты опыта автономизации никогда не имели. Таким образом, для адыгов и хакасов вопрос решался изменением статуса (республика в составе РФ) уже имевшихся автономий в соответствии с существующим федеральным законодательством. Шорцы, телеуты Кемеровской области и шапсуги Причерноморья рассчитывали на предоставление национально-территориальной автономии. При этом национальные лидеры не всегда четко представляли, например, будущую административно-территориальную структуру (национальный район или округ) и границы.

Нюансы прослеживаются в выбранной национальными лидерами тактике, применявшейся для достижения поставленных задач. В ряде регионов попытки оформления автономии не выходили за правовые рамки. Например, в Адыгее, процесс шел в соответствии с существовавшими нормативно-правовыми актами, статьями 71, 82, 82 действующей Конституции РСФСР. Адыгейская АССР с принятием «Декларации о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Адыгея» (28—29.06.1991 года) становилась самостоятельным субъектом РФ в составе России [ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 2, л. 1, 4, 12, 13]. Постановлением Верховного Совета республики от 23.03.1992 года были утверждены изменения в наименовании: АССР Адыгея впредь стала именоваться Республика Адыгея в составе Российской Федерации [Там же, д. 17, л. 12—13]. Дискуссии разгорелись по вопросу представительства в Верховном Совете республики. Адыгская общественность на основе решений съезда адыгского народа настаивала на пропорции 50/50, то есть на предоставлении адыгам половины мест. Аргументы приводились следующие: адыги/черкесы являлись первопроходцами на данной территории, понесли значительные потери в ходе Кавказской войны XIX века, в то же время «стремились к добрососедским отношениям» с русскими в течение второй половины XIX—XX веков. Главным в этих дискуссиях было изменение избирательной системы в части числа избирателей по округам. По мысли адыгской элиты, депутат от русского населения в избирательном округе должен был избираться от 10 000 человек. А адыгский депутат — избираться в округе от 500 избирателей. Однако данный вариант не соответствовал существовавшему законодательству [Там же, д. 4, л. 7, 15, 21, 24]. Точка в дискуссии была поставлена принятием Постановления Президиума Верховного Со-

вета РСФСР «О порядке и сроках проведения выборов в Верховный Совет Советской Социалистической Республики Адыгея в составе РСФСР». На его основе избирательные округа образовывались с учетом административно-территориального деления и иных особенностей, при соблюдении в основном равной численности избирателей. В то же время допускалось уменьшение числа избирателей в округах с компактным проживанием коренного населения [О порядке ..., 1991; ГКУ НАРА, д. р-499, оп. 1, д. 8, л. 13—14].

Лозунги и призывы национальных лидеров о самоопределении и автономии не всегда носили мирный, конструктивный характер. Так, в Причерноморье в начале 1990-х годов лозунг о «возрождении» Шапсугского национального района стал решающим в давлении на региональные и местные органы власти. По мнению шапсугских лидеров, только предоставление автономии могло решить основные проблемы «самобытного» этноса: избежать угрозы его исчезновения, «ущербного» представительства в органах законодательной и исполнительной власти, «информационной и культурной блокады» [Сивер, 2002, с. 134]. На Первом съезде причерноморских адыгов / шапсугов (01.12.1991 года) было декларировано создание Шапсугского национального района как субъекта РСФСР в границах традиционного расселения этноса (с. Головинка Лазаревского района города Сочи — посёлок Новомихайловский Туапсинского района). Первоначально этот акт был поддержан общественными объединениями армян, греков, казаков Причерноморья и некоторыми политическими деятелями федерального уровня, в частности, вице-спикером ВС РСФСР Р. И. Хасбулатовым. В дальнейшем, как отмечал исследователь А. В. Сивер, произошло выделение радикального крыла в «шапсугском движении». Он характеризовал сложившуюся ситуацию как «прямую конфронтацию шапсугского движения с краевыми властями» [Сивер, 2002, с. 135—136, 137]. Отметим, что оппозиционность проявилась и по отношению к городским и районным органам власти. Ярким проявлением конфронтации были не только митинги и демонстрации шапсугов, но и снос в августе 1990 года памятника создателю Черноморской линии адмиралу П. М. Лазареву в посёлке Лазаревском (агломерация Большого Сочи; восстановлен в 2003 году), который, по «мнению» шапсугской общечности, «оскорблял национальные чувства» [Сивер, 2002, с. 134]. Реакция общечности и населения, проживающего в Сочинском Причерноморье, включая и районы компактного проживания шапсугов, в Краснодарском крае в целом была негативной вплоть до обвинений шапсугов в сепаратизме и разжигании национальной розни. Ситуация была нормализована в течение

1991 года. Сочинский городской Совет совместно с краевыми властями и местным самоуправлением на территориях компактного проживания шапсугов приняли ряд решений, организовали и провели конференции и слушания с участием общественности, включая и представителей различных этносов, проживающих в агломерации. Так, Сочинским городским Советом 27 декабря 1991 года были приняты следующие решения: 1) отложить рассмотрение вопроса о создании Шапсугского национального района вплоть до принятия соответствующего закона РФ о национально-территориальных единицах и государственной границе; 2) признать право всех жителей Сочи на развитие своей культуры и национальных традиций; 3) считать правомочными поднимаемые шапсугами вопросы; 4) для их решения не менять административно-территориальные границы; 5) учитывая малочисленность этноса, создать комиссию из депутатов городского и Лазаревского районного советов для изучения проблем адыгов-шапсугов, формирования программ развития культуры, языка, традиций; 5) после принятия соответствующего закона РФ о национально-территориальных единицах и государственной границе вопрос о создании Шапсугском национальном районе рассмотреть с учетом результатов референдума жителей города Сочи. В результате проведенной работы удалось погасить резкие всплески напряженности. Итогом стало признание общественным объединением Адыге-Хасэ и национальными лидерами «Шапсугского района» как части Краснодарского края; произошла переориентация их деятельности с политической в область общественного и культурного развития этноса, предусматривающую такие направления, как возрождение «адыгской топонимии», изучение родного языка, сохранение и развитие народной культуры и традиций. При этом вопрос автономизации сохранялся в течение последующего времени.

В Кузбассе дискуссии и деятельность некоторых национальных лидеров принимали форму «политического шантажа». Так, решениями национальных съездов шорского и телеутского народов давалось поручение народным депутатам России от Кемеровской области о внесении вопроса об автономизации в повестку дня Верховного Совета РСФСР. При его невыполнении декларировалась возможность обращения от имени этих этносов за помощью к международному сообществу, вплоть до ООН [Аборигены Кузбасса ..., 1997, с. 153]. Декларации об автономии вплоть до 1993 года поддерживались региональными органами власти [ГАКО, оп. 63, д. 58, л. 92—93; оп. 66, д. 29, л. 178]. После принятия Конституции РФ (1993 года), в соответствии с ее положениями поддержка идеи сохранения и возрождения малых народов осуществлялась уже через отработку меха-

низмов взаимодействия с районными и национальными администрациями по предоставлению определенных прав в области местного самоуправления (национальные сельсоветы / администрации). С середины 1990-х годов поддерживались только проекты, направленные на решение проблем в социальной сфере и развитие культурных потребностей и традиций [Белозёрова, 2008а, с. 266]. Снижению напряженности в обществе способствовала организация органами исполнительной власти области ряда конференций с привлечением представителей научного сообщества — специалистов в области истории и этнографии. На них скрупулезно рассматривались проблемы малых народов и выработывались пути их разрешения. Действенным средством контроля деятельности общественных организаций со стороны органов власти, несомненно, явилось финансирование тех или иных мероприятий.

Вопрос автономизации обострился в Хакасии, где усилилось противостояние Ассоциации хакасского народа «тун» с русскоязычным населением и органами власти [ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 273; Постсоветская Хакасия ..., с. 185, 192, 194; Белозёрова, 2008а, с. 71—72]. В основе было два фактора: 1) нежелание национальной ассоциации избирать на пост Председателя ВС РХ в 1992 году русского по национальности, а не хакаса, и 2) выработка и принятие «Декларации Республики Хакасия». Предложенный ассоциацией вариант «Декларации о государственном суверенитете Хакасии» означал углубление сепаратистских тенденций в республике. На митинги и демонстрации, организованные национальной ассоциацией, в столицу Хакасии г. Абакан подвозили хакасов из районов республики. В местных СМИ звучали призывы к созданию вооруженных формирований из хакасского населения, открытому противостоянию по отношению к руководству региона, выступлениям против русского населения [ЦГАРХ, д. 75, л. 30, 51]. Ситуация в Хакасии, как и в рассмотренных других регионах, была урегулирована при значительных усилиях органов власти. В Верховном Совете РХ были проведены большие дискуссии, результатом которых стало принятие на I сессии (1992 год) варианта о государственно-правовом статусе республики в составе РФ [ЦГАРХ, д. 2, т. 2, л. 256, 259, 273], который удовлетворил большинство депутатов. В декларации были закреплены принципы территориальной целостности и единство Российской Федерации, зафиксировано стремление Республики Хакасия создавать правовую республику в составе РФ. Определенная роль в стабилизации принадлежала принципиальной позиции Славяно-казачьего союза Хакасии и населения в целом, не поддавшихся на провокации и не поддержавших линию национальных объединений.

3. Выводы

В конце 1980-х — начале 1990-х годов одной из основных составляющих этнополитических процессов у автохтонных народов (хакасов, адыгов, шапсугов, шорцев и телеутов) стало национальное самоопределение. Эти идеи были зафиксированы в программных документах национальных ассоциаций и рассматривались этническими элитами как гарант «национального возрождения».

К этнополитическим процессам, на которых базировались идеи национального самоопределения, отнесены следующие: этническая консолидация и рост этнического самосознания на основе формирования новых идеологических конструктов (либерально-демократических) и «политизации» этничности; участие национальной интеллигенции (элиты) как социальной страты, сформированной в советское время, в институциональной деятельности (создание институтов гражданского общества — национальных ассоциаций, национально-культурных центров и других форм); формирование программ «национального возрождения»; подбор социальных технологий со стороны национальных ассоциаций для воздействия на региональный курс национальной политики по отношению к автохтонным этносам. Этнополитические процессы были тесно взаимосвязаны с таким этнокультурным процессом, как историческое мифотворчество — важной составляющей смены идеологических парадигм. Мифы конструировались на тезисах о нерешенности социальных проблем в советское время, об ухудшившемся социально-экономическом положении автохтонных народов, этнических ценностях, исторической памяти. Их лейтмотивом стали «поиск врага», «утрата» национальной культуры и другие утверждения. Региональная специфика мифотворчества проявилась при анализе тех исторических фактов и суждений, которые были положены в основу мифов каждого этноса (к примеру, у адыгов — мотивы Кавказской войны XIX века, у телеутов — идеи «этнической справедливости» и т. д.).

Проблема автономизации рассматривалась в качестве проявившегося компонента при попытках реализации идеи национального самоопределения. Прослеживается идентичность задач, которые предполагалось решить в результате получения автономии — увеличение представительства в органах управления всех уровней, сохранение и развитие национальной культуры и традиций, родного языка. С автономизацией связывались и надежды национальной элиты на решение не только политических, социальных, культурных, но и экономических вопросов — налогового обложения, частной собственности на землю и недра. Например, национальные лидеры шорцев и телеутов (Кемеровская область) считали, что автономизация

упрощала их решение. Шапсуги откладывали их решение на более поздний срок, предлагая объявить «мораторий по изменению форм собственности <...> на землю, природные ресурсы, государственные предприятия и санаторно-курортные комплексы», во всяком случае, на «переходный период» становления и признания Шапсугского национального района [Сивер, 2002, с. 136]. В Адыгее на Внеочередном съезде адыгского народа (11.12.1994 года) был сформулирован ряд требований о собственности на землю и возможности ее купли-продажи для внесения в текст принимаемой Конституции РА. Ни региональное руководство, ни общественные и национальные объединения других народов, ни население в целом региона не поддержали данные положения. Так, на III съезде общественного объединения славян Адыгеи (10.12.1994 года) была принята резолюция, в которой подчеркивалась необходимость принятия документа в соответствии с Конституцией РФ [ГКУ НАРА, ф. р-499, оп. 1, д. 142, л. 11].

Проявление идеи автономизации и попытки ее реализации можно рассматривать в качестве одного из индикаторов межнациональной напряженности и появления сепаратистских тенденций. Региональную специфику определяет тактика (приемы) достижения поставленных задач. Это прослеживается по накалу дискуссий представителей этнической элиты с органами власти и противостоянию по отношению к другим этносам (прежде всего к русским) и социальным стратам (к примеру, казакам).

В связи с этим актуализируются проблемы анализа накопленного в субъектах России опыта стабилизации этносоциальной обстановки на основе взаимодействия региональных органов власти с национальными общественными объединениями и представителями различных слоев общества, в частности, практики принятия решений по регуляции межэтнических отношений, использования норм, отраженных в законодательстве РСФСР/РФ; создания комиссий по межнациональным отношениям при органах региональной власти по решению проблем автохтонных народов [ГАКО, д. 58, л. 92—93; ЦГАРХ, д. 75; ГКУ НАРА, ф. Р-79, оп. 4, д. 1147, л. 1, 4]; обсуждения проблем с привлечением представителей национальных организаций, научного сообщества и широкой общественности.

Источники и принятые сокращения

1. *Аборигены* Кузбасса. Современные этнополитические процессы : сборник документов / сост. В. М. Кимеев, В. В. Ерошов. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. — 304 с.
2. Архив ЛЭЭГ КемГУ — *Архив* лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета. Самаев Г. П. Справка об этническом составе алтайского народа; Проект Устава телеутского национального округа.

3. Белозёрова М. В. Личный архив, 2011 г. Анкеты для национально-общественных и национально-культурных организаций Кемеровской области (48 анкет).
4. ГАКО — Государственный архив Кемеровской области. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 58, Д. 114; Оп. 66. Д. 29.
5. ГКУ НАРА — Государственное казенное учреждение Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-79. Майкопский городской совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет. 1922—1935, 1943—1992 гг. Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499 (Верховный Совет Республики Адыгея (1992—1993 гг.), Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея (1995 — по наст. вр.)). Оп. 1. Д. 2; Д. 4; Д. 8; Д. 17; Д. 142.
6. Исследования социальных технологий управления пограничными полиэтничными районами юга России в имперский, советский и постсоветский периоды (промежуточный, этап 2). Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг. : отчет о НИР СНИЦ РАН / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова, А. С. Кизилов, Т. Т. Тарасова, П. А. Куринских, А. И. Наконечный. — Сочи : Сочинский научно-исследовательский центр РАН, 2018. — 101 с.
7. О восстановлении автономии шорского народа : постановление II съезда шорского народа от 28—29.03.1992 г. (г. Таштагол).
8. О порядке и сроках проведения выборов народных депутатов в Советской Социалистической Республике Адыгея в составе РСФСР : постановление Президиума Верховного Совета РСФСР № 1669-1 от 23 сентября 1991 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа : <http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/zakonodatelnaja-predstavitelnaja-vlast-sovetskogo-perioda/1/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-23-09-1991--1669-1.html>.
9. ЦГАРХ — Центральный Государственный архив Республики Хакасия. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 2. Т. 2; Д. 75; Д. 96.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев В. А. Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов / В. А. Авксентьев // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. — 1998. — № 2. — С. 9—12.
2. Батянова Е. П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области / Е. П. Батянова // Серия А. Межнациональные отношения в современном мире. Документ № 39. — Москва : ИЭиА РАН, 1993. — 23 с.
3. Беленко Н. М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX — начало XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Н. М. Беленко. — Москва, 2006. — 39 с.
4. Белозёрова М. В. (а) К проблеме проявления национального сепаратизма у коренных народов Южной Сибири : XX столетие / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 312. — С. 69—73.
5. Белозёрова М. В. (б) Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. — начало XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / М. В. Белозёрова. — Томск : Томский государственный университет, 2008. — 56 с.
6. Белозёрова М. В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа : методологический аспект / М. В. Белозёрова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2018. — № 43. — С. 27—35.

7. *Борина Л. С.* Формирование этнического самосознания шорцев (вторая половина XIX—XX вв. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Л. С. Борина. — Томск : Томский государственный университет, 2003. — 22 с.

8. *Воеводина Л. Н.* Мифотворчество как феномен современной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук — Москва : Московский государственный университет культуры и искусств, 2002. — 43 с.

9. *Грошева Г. В.* Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX — начало XXI в.) / Г. В. Грошева // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 63—68.

10. *Губогло В. А.* В лабиринтах этнической мобилизации / В. А. Губогло // Отечественная история. — 2000. — № 3. — С. 106—124.

11. *Дзидоев В. Д.* Национальное самоопределение в теории и на практике / В. Д. Дзидоев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 27—32.

12. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — Москва : Аспект Пресс, 1997. — 286 с.

13. *Карачакова О. М.* Национальное движение в Хакасии в конце 1980 — начале 1990 гг. / О. М. Карачакова // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. — Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова — 2005. — № 6. — С. 85—92.

14. *Козодой В. И.* Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х — середина 1990-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / В. И. Козодой. — Москва, 2009. — 46 с.

15. *Костюк В. Г.* Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг. (социологическая экспертиза) / В. Г. Костюк, Ю. В. Попков, В. Н. Тугужекова — Абакан, 2001. — 72 с.

16. *Кудаева С. Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / С. Г. Кудаева. — Махачкала, 2006. — 59 с.

17. *Логачева А. С.* Современная Хакасия : этносоциальные процессы / А. С. Логачева. — Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2006. — 116 с.

18. *Литвинова Т. Н.* Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Т. Н. Литвинова. — Москва, 2016. — 55 с.

19. *Михайлов В. А.* Национальная политика России как фактор государственного строительства / В. А. Михайлов. — Москва, 1995.

20. *Нечипоренко О. В.* Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай / О. В. Нечипоренко, А. Н. Вольский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 108 с.

21. *Новожилов А. М.* Политическое самоопределение и его основные формы / А. М. Новожилов // Ученые записки Академии предпринимательства. — Москва. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 299—274.

22. *Постсоветская Хакасия*: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации : этносоциол. очерки / ред. М. Н. Губогло, Л. В. Остапенко. — Москва, 2005. — 484 с.

23. *Потапов Л. П.* Шорцы на пути к социализму / Л. П. Потапов // Шорский сборник : Вып. 1. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории : межвузовский сборник научных трудов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. — С. 124—139.

24. *Сивер А. В.* Шапсуги. Этническая история и идентификация / А. В. Сивер. — Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2002. — 216 с.
25. *Сивер А. В.* Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района / А. В. Сивер // Шапсугия. — 27.03.2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://shapsugiya.ru/index.php?newsid=3771>.
26. *Тишков В. А.* (а) О природе этнического конфликта / В. А. Тишков // Свободная мысль. — 1993. — № 4. — С. 6.
27. *Тишков В. А.* (б) Этничность и национализм в постсоветском пространстве / В. А. Тишков // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. — Омск, 1993.
28. *Тугужекова В. Н.* Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века / В. Н. Тугужекова, О. М. Карачакова. — Абакан, 2005. — 103 с.
29. *Феномен идентичности* в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В. А. Тишкова / сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — Москва : Наука, 2011. — 670 с.
30. *Шорова М. Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии : середина 1980-х — 1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. историч. Наук / М. Б. Шорова. — Нальчик, 2010. — 22 с.
31. *Этнологическая экспертиза*. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области / В. И. Бойко, А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко и др. — Новосибирск : ИФиП СО РАН, 2008. — Вып. 2. — 232 с.

ON PROBLEM OF NATIONAL SELF-DETERMINATION OF AUTOCHTHONOUS PEOPLES BY EXAMPLE OF SOUTHERN RUSSIA REGIONS (LATE 1980s — EARLY 1990s)

© **Marina V. Belozeroва (2020)**, orcid.org/0000-0002-3156-2458, Doctor of History, Associate Professor with a degree in Russian History, Chief Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russia), mbezzerowa@mail.ru.

The article considers the problem of national self-determination among the autochthonous peoples of Russia as a component of the ethnopolitical processes of the late 1980s and early 1990s. The relevance is determined by the need to study the manifested ethnic interests, inter-ethnic tension and separatist tendencies that have passed from a latent state to an open form among a number of autochthonous peoples. On the basis of comparative analysis, research of archival documents of state, departmental, personal archives and historiographical data, general trends and regional specifics of Khakas, Adygs, Shapsugs, Shors, and Teleuts are revealed. The ethno-political processes on which the ideas of national self-determination were based include the growth of ethnic consciousness, "the politicization" of ethnicity, the change of ideological paradigms, the institutional activity of national elites, the formation of national revival programs, and myth-making. The author reveals the significant commonality of myths ("search for the enemy," "loss" of national culture and other theses) and differences based on the historical and ethnic memory of each nation. Special attention is paid to the problem

of autonomy. It was seen as an emerging component in attempts to implement the idea of national self-determination. The experience of normalization of social relations was considered in the analysis of the tactics used by national elites in achieving political goals, decisions made by regional authorities, and the reaction of various segments of society.

Key words: national self-determination; ethnopoltical processes; autonomization; autochthonous peoples; myth-making.

MATERIAL RESOURCES

- Архив ЛЕЕГ КемГУ — *Архив лаборатории этносотсальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета. Самаев Г. П. Spravka ob etnicheskom sostave altayskogo naroda; Proekt Ustava teleutskogo natsional'nogo okruga.* (In Russ.).
- Belozeroва, M. V. (2011). *Lichnyy arkhiv. Ankety dlya natsionalno-obshchestvennykh i natsionalno-kulturnykh organizatsiy Kemerskoy oblasti (48 anket).* (In Russ.).
- GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerskoy oblasti.* (In Russ.).
- ГКУ НАРА — *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Natsionalnyy arkhiv Respubliki Adygeya.* (In Russ.).
- Issledovaniya sotsialnykh tekhnologiy upravleniya pogranichnymi polietnichnymi rayonami yuga Rossii v imperskiy, sovetkiy i postsovetkiy periody (promezhutochny, etap 2). Programma fundamentalnykh nauchnykh issledovaniy gosudarstvennykh akademiy nauk na 2013—2020 gg.: otchet o NIR SNITs RAN (2018).* Sochi: Sochinskiy nauchno-issledovatel'skiy tsentr RAN. (In Russ.).
- Kimeev, V. M., Eroshov, V. V. (eds.). (1997). *Aborigeny Kuzbassa. Sovremennyye etnopoliticheskie protsessy: sbornik dokumentov.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (In Russ.).
- O vosstanovlenii avtonomii shorskogo naroda: postanovlenie II syezda shorskogo naroda ot 28—29.03.1992 g. (g. Tashtagol).* (In Russ.).
- O poryadke i srokakh provedeniya vyborov narodnykh deputatov v Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respublike Adygeya v sostave RSFSR: postanovlenie Prezidiuma Verkhovnoy Soveta RSFSR № 1669-I ot 23 sentyabrya 1991 g.* Available at: <http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/zakonodatelnaja-predstavitel'naja-vlast-sovet-skogo-perioda/1/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-23-09-1991--1669-1.html> (In Russ.).
- TsGARKh — *Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasiya.* (In Russ.).

REFERENCES

- Avksentyev, V. A. (1998). Etnicheskie problemy Severnogo Kavkaza v kontekste obshcherossiyskikh i mirovykh etnicheskikh protsessov. In: *Izvestiya VUZov. Severokavkazskiy region. Obshchestvennye nauki.* 2: 9—12. (In Russ.). (In Russ.).
- Batyanova, E. P. (1993). K etnopoliticheskoy situatsii v Kemerskoy oblasti. In: *Seriya A. Mezhnatsionalnye otnosheniya v sovremennom mire. Dokument 39.* Moskva: IEiA RAN. (In Russ.).
- Belenko, N. M. (2006). *Stanovlenie i razvitie federativnykh otnosheniy v Rossii (90-e gg. XX — nachalo XXI vv.): avtoref. dis. ... doktorra istor. nauk.* Moskva. (In Russ.).
- Belozeroва, M. V. (2008a). K probleme proyavleniya natsionalnogo separatizma u korenykh narodov Yuzhnoy Sibiri: XX stoletie. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta,* 312: 69—73. (In Russ.).

- Belozerova, M. V. (2008b) *Problemy integratsii i natsionalnogo samoopredeleniya korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri (1920-e gg. — nachalo XXI v.): avtoref. dis. ... doktora istor. nauk. Tomsk. (In Russ.)*.
- Belozerova, M. V. (2018). Tsivilizatsionnyy podkhod v issledovaniyakh obshchestva Zapadnogo Kavkaza: metodologicheskii aspekt. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 43: 27—35. (In Russ.).
- Borina, L. S. (2003). *Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya shortsev (vtoraya polovina XIX—XX vv.): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Tomsk. (In Russ.)*.
- Boyko, V. I., Sadovoy, A. N., Nechiporenko, O. V. et al. (2008). *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsialno-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Guryevskogo rayonov Kemerovskoy oblasti. Novosibirsk: IFiP SO RAN. 2. (In Russ.)*.
- Dzidoev, V. D. (2019). Natsionalnoe samoopredelenie v teorii i na praktike. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, 19 (3): 27—32. (In Russ.).
- Grosheva, G. V. (2007). Etnichnost' v nauchnom i politicheskom diskurse sovremennoy Khakasii (konets XX — nachalo XXI v.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 303: 63—68. (In Russ.).
- Guboglo, M. N., Dubova, N. A. (eds.). (2011). *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V. A. Tishkova. Moskva: Nauka. (In Russ.)*.
- Guboglo, M. N., Ostapenko, L. V. (eds.). (2005). *Postsovetskaya Khakasiya: transformatsionnye protsessy i etnoregionalnye modeli adaptatsii. Moskva. (In Russ.)*.
- Guboglo, V. A. (2000). V labirintakh etnicheskoy mobilizatsii. *Otechestvennaya istoriya*. 3: 106—124. (In Russ.).
- Karachakova, O. M. (2005). Natsionalnoye dvizhenie v Khakasii v kontse 1980 — nachale 1990 gg. In: *Aktualnyye problemy istorii i kultury Sayano-Altaya. — Abakan : Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 6: 85—92. (In Russ.).
- Kozodoy, V. I. (2009). *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (vtoraya polovina 1980-kh — seredina 1990-kh gg.): avtoref. dis. ... doktora istor. nauk. Moskva. (In Russ.)*.
- Kostyuk, V. G., Popkov, Yu. V., Tuguzhekova, V. N. (2001). *Problemy razvitiya khakasskogo etnosa v usloviyakh rossiyskikh reform 1990-kh gg. (sotsiologicheskaya ekspertiza). Abakan. (In Russ.)*.
- Kudaeva, S. G. (2006). *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.): avtoref. dis. ... doktora istor. nauk. Makhachkala. (In Russ.)*.
- Logacheva, A. S. (2006). *Sovremennaya Khakasiya: etnosotsialnye protsessy. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo. (In Russ.)*.
- Litvinova, T. N. (2016). *Politicheskie protsessy na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti (institutsionalnyy podkhod): avtoref. dis. ... doktora polit. nauk. Moskva. (In Russ.)*.
- Mikhaylov, V. A. (1995). *Natsionalnaya politika Rossii kak faktor gosudarstvennogo stroitelstva. Moskva. (In Russ.)*.
- Nechiporenko, O. V., Volskiy, A. N. (2000). *Sotsialnaya situatsiya v selskikh rayonakh Respubliki Altay. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.)*.

- Novozhilov, A. M. (2018). Politicheskoe samoopredelenie i ego osnovnye formy. In: *Uchenye zapiski Akademii predprinimatelstva*. 18, 3: 299—274. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1994). Shortsyy na puti k sotsializmu. In: *Shorskiy sbornik. Istoriko-kulturnoe i prirodnoe nasledie Gornoy Shorii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 1: 124—139. (In Russ.).
- Siver, A. V. (2002) *Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya*. Nalchik: Poligrafservis i T. (In Russ.).
- Siver, A. V. (2013). Shapsugi i problema vosstanovleniya Shapsugskogo natsionalnogo rayona. In: *Shapsugiya*. 27.03.2013. Available at: <https://shapsugiya.ru/index.php?newsid=3771>. (In Russ.).
- Shorova, M. B. (2010). *Natsionalnyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kabardino-Balkarii: seredina 1980-kh — 1990-e gg.*: avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. Nalchik. (In Russ.).
- Tishkov, V. A. (1993a) O prirode etnicheskogo konflikta. *Svobodnaya mysl*, 4: 6. (In Russ.).
- Tishkov, V. A. (1993b). Etnichnost' i natsionalizm v postsovetском prostranstve. In: *Regionalnye problemy mezhnatsionalnykh otnosheniy v Rossii*. Omsk. (In Russ.).
- Tuguzhekova, V. N., Karachakova, O. M. (2005). *Mezhnatsionalnye otnosheniya v Khakasii v kontse XX veka*. Abakan. (In Russ.).
- Voevodina, L. N. (2002). *Mifotvorchestvo kak fenomen sovremennoy kultury*: avtoref. dis. ... doktora filos. nauk Moskva. (In Russ.).
- Zdravomyslov, A. G. *Mezhnatsionalnye konflikty v postsovetском prostranstve*. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).